

АНАСТАСИЯ
ЛЕМАНН

ВИКТОРИЯ
ТРОЯНСКАЯ

СВОДНЫЕ

Свободный мерзавец!
ХОЧУ ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Леманн Виктория Троянская Сводные. Свободный Мерзавец! Хочу тебя

<https://litres.ru/74056558>

SelfPub; 2026

Аннотация

Слушай Даня, я в твои игры не играю! Мы договорились, ты не замечаешь меня Я не замечаю тебя.

Нагло ухмыляется.

- А иначе что? Да брось, сестренка, я же знаю, что ты хочешь меня!

Затуманенный взгляд, сильные руки и я буквально вжимаюсь в стенку. Его пальцы скользят по мне, а я кажется забываю, как дышать. Вот наглый поддонок.

- Ты.Ты мерзавец.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1.	8
ГЛАВА 2.	16
ГЛАВА 3.	23
ГЛАВА 4.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктория Троянская, Анастасия Леманн Сводные. Свободный Мерзавец! Хочу тебя

ПРОЛОГ

— Все девчонки мечтают со мной переспать. Признайся, сестрёнка, ты ведь не исключение.

Он усмехнулся пьяно и качнулся к стене, отрезая мне единственный путь к лестнице. Я отступила на шаг и упёрлась лопатками в холодный дубовый шкаф. Дальше отступить было некуда, и он понимал это не хуже меня. Мы остались вдвоём на всём этаже. Внизу гремела музыка, звенели бокалы, кто-то заливисто хохотал над чьей-то шуткой, а здесь, в длинном коридоре с дорогими светильниками, не было ни души, кроме нас двоих. И этот человек меня ненавидел всем своим существом. Он давно пообещал устроить мне райскую жизнь, и обещание своё держал с упорством, которому позавидовал бы любой.

— Послушай, Даня, — я старалась, чтобы голос звучал ровно, но он предательски сел на середине фразы. — Я в

твои игры не играю. Мы же договорились. Ты меня не замечаешь, я не замечаю тебя. Так было всё это время, и всех всё устраивало.

— А иначе что?

Он шагнул ближе, и расстояние между нами съёжилось до ладони. От него тянуло коньяком, и я слишком хорошо знала этот запах, чтобы он не отозвался во мне старым, тошнотворным ужасом, от которого подгибалось что-то внутри.

— Брось, сестрёнка. Я прекрасно знаю, чего ты хочешь на самом деле. Все вы одинаковые, что бы из себя ни строили.

Его пальцы скользнули по краю моего платья, у самой ключицы, и я на секунду забыла, как дышать. Стояла, вжавшись спиной в шкаф, и думала только об одном: внизу полный дом гостей, важных, нарядных, чужих, а здесь, наверху, меня никто не услышит, даже если я закричу. Вот же мразь. Вот наглая, насквозь уверенная в собственной безнаказанности мразь, которой с рождения всё сходило с рук.

— Ты мерзавец, — выговорила я, и собственный голос показался мне чужим и слабым.

— А ты дрянь, которая корчит из себя святую невинность. — Он наклонился к самому моему лицу, и я увидела, какие у него злые, какие пустые глаза. — Скажи спасибо, что я вообще на тебя смотрю. В твоём положении другие были бы благодарны.

Я не успела ни вскрикнуть, ни оттолкнуть его как следует. Он навалился, впечатывая меня в стену всем телом, и в

эту секунду я с ледяной ясностью поняла, что попала. Что приехала в этот мраморный дом нищей сиротой с младшей сестрой на руках и угодила напрямик в чью-то пасть. И что выбираться отсюда придётся самой, своими силами, потому что заступиться за меня свете больше некому. Ни мамы. Ни дома. Никого.

Где-то внизу со звоном разбился бокал, и кто-то расхохотался. А я стояла, считала про себя до десяти, чтобы не сорваться, и думала о маме. О том, как она когда-то расчёсывала по утрам свои длинные светлые волосы и говорила, что от судьбы не убежишь.

* * *

Мама всегда повторяла эту фразу, и я в неё не верила. Была твёрдо уверена, что человек сам кузнец своего счастья, что если очень стараться, если не опускать руки, всё рано или поздно сложится. И я старалась. Я тянула на себе дом, сестру, больную маму, тянула, пока хватало рук и пока не отнялись от усталости ноги. А судьба посмотрела на все мои старания сверху вниз и усмехнулась ровно так же нагло, как усмехался он сейчас, прижимая меня к чужой стене.

В тот вечер, когда меня впервые втолкнули в этот холодный ад с керамогранитом и хрусталём, я ещё не знала, что буду помнить его лицо долгими годами. Что научусь спать вполглаза, прислушиваясь к шагам в коридоре. Что научусь ненавидеть с той же силой, с какой раньше умела только любить.

А пока я просто стояла в чужом коридоре и держала спину прямо, как учила мама. Потому что внизу, в детской, под ночником в виде луны спала Малышка. И ради неё одной я была готова держать спину прямо хоть всю оставшуюся жизнь.

Он отстранился первым. Что-то в моём лице, в этой каменной неподвижности, его остановило. Он отступил, качнулся, нашёл рукой стену.

— Ещё поговорим, — бросил он и пошёл к лестнице, не оглядываясь.

Я дождалась, пока стихнут его шаги, и только тогда позволила себе сползти по дверце шкафа на пол. Колени не держали. Но я не плакала. Слёзы я приберегала для тех редких минут, когда меня точно никто не видел, потому что слёзы были последним, что у меня осталось своего, и тратить их перед этими людьми я не собиралась.

* * *

ГЛАВА 1.

— А он какой, этот папа? Смешной? Или красивый? Или высокий?

Малышка смотрела на меня снизу вверх своими огромными голубыми глазами и теребила меня за рукав кофты. Малышкой её звали все вокруг, а на самом деле сестрёнку звали Натусиком. Она и была как Натусик: светлая, тёплая, без единой капли зла внутри. Настоящий ангелок, которому я, пока бьётся моё сердце, не дам узнать, какими подлыми и мерзкими бывают люди на этом свете.

Я притянула её к себе и зарылась носом в светлые волосы.

— Высокий. И, наверное, добрый. Сейчас познакомимся и узнаем.

Чужой дом. Чужие просторные комнаты, чужие голоса за стеной, чужая дорогая мебель, к которой страшно прикоснуться. Я держала сестру и думала, что ни за что на свете не отпущу её одну к этим незнакомым людям. Они чужие. Здесь всё чужое и враждебное.

— Ты с ума сошёл, эту девку с собой тащить! Кто она вообще такая? Пришей кобыле хвост!

Голос долетал из кабинета через приоткрытую дверь. Женский, высокий, с визгливыми нотками злости.

— Вероника, перестань, — устало отвечал мужской. — Она Ленина дочь. Сводная сестра Натусика, считай.

— Шалавы, которую собственный сожитель по пьяни прибил!

— Вероника, замолчи! Натусик к ней привязана всем сердцем, она без неё ни шагу, и я возьму девочку с собой! Точка!

— Ты сдурел? У тебя дела только-только в гору пошли, тебя Лейла на порог не пустит с таким приданым!

— А мне плевать, куда она меня пустит. Главное, чтобы я сам себя на порог пускал по утрам, в зеркало глядя.

Я слушала всё это, сидя на краешке дивана, и смотрела на белую стену напротив. На той стене до сих пор оставались еле заметные бледные пятна. Их оттирали, замывали, закрашивали, но след всё равно проступал, если знать, куда именно смотреть. Я знала. Я смотрела туда и никак не могла поверить, что мамы больше нет. Что её тёплые, всегда чуть шершавые от мела руки меня больше никогда не обнимут. Что мы не упадём втроём на этот продавленный диван, хоча, как падали раньше после её работы, потому что были маленькой, но настоящей семьёй.

В глазах закипало. Я моргнула несколько раз и крепко сжала зубы. Господи, ну куда мы едем. Это же совсем, совсем чужие люди, и они уже нас ненавидят, ещё даже не увидев.

* * *

— Прошу всех познакомиться. Это Натусик, наша Малышка, её все так называют. А это её старшая сестра, Даниэла, для своих просто Дина.

Ярослав Владимирович говорил с натянутой, через силу, бодростью человека, который заранее знает, что встреча выйдет тяжёлой и некрасивой. Я подняла глаза и стала разглядывать ухоженную даму лет тридцати с небольшим, хотя при ярком свете гостиной было видно, что ей давно не тридцать и даже не тридцать пять. Рядом с ней сидел малыш, чуть постарше Натусика, и тарасился на нас с откровенным детским любопытством. Поодаль расположились худенькая девушка лет девятнадцати с волосами, перекрашенными в пепельный, и высокий парень с наглым, надменным выражением красивого лица.

Малышка простодушно улыбалась им всем. А я видела их глаза. Сколько в них было холодного презрения. Сколько готовности возненавидеть нас за один только факт нашего появления. По одним этим взглядам можно было заранее, как по нотам, прочитать, кто из них как будет к нам относиться и сколько крови выпьет.

— Проходите, садитесь. Девочки ведь любят фруктовый салат?

Хозяйка дома, Лейла, обвела нас изучающим, холодным взглядом, под которым хотелось стать меньше. Малышка не слезала с рук отца, чем явно раздражала второго малыша, а я молча опустилась на стул. На столе было столько всего, что у сестры разом загорелись глаза. Мама всегда старалась нас баловать, как могла, хоть и получала скромную учительскую зарплату, но такого изобилия у нас, конечно, отродясь

не водилось.

— Ешь, не торопись, — тихо шепнула я Натусику, которая уже потянулась пухлой ручкой к горке пирожных.

На секунду я столкнулась взглядом с тем парнем. Красивый, этого у него не отнять. Только красота была холодной и острой, как лезвие хорошего ножа.

— Да пусть ест, где она ещё такое попробует, — лениво протянул он, откинувшись на спинку стула и покачиваясь. — Нищие ведь так не питаются. Они, наверное, один пустой горох хлебали. В этом я даже не сомневаюсь.

И заржал. Противно, сыто, очень довольный собственным остроумием.

У меня потемнело перед глазами. Какого чёрта этот лошёный мажор смеет нас оскорблять. Да, мы жили скромно. Очень скромно. Но нищими мы никогда не были и руку никогда не протягивали. Жили бедно, считали каждую копейку до зарплаты, но не побирались. Никогда и нигде.

— Даня. — Лазарев бросил на сына короткий уничтожающий взгляд, но того было уже не остановить.

— А что я такого сказал? Я не прав, что ли? Ты на них погляди, на обеих. Две оборванки. Малая ладно, не понимает ещё ничего, а вот эта приживалка всё прекрасно понимает.

— Даня! — Лазарев хлопнул широкой ладонью по столу так, что жалобно звякнули приборы и подпрыгнул бокал. — Ты Колю хоть пожалей, он-то тут при чём! Что ты при ребёнке устраиваешь!

Малыш испуганно вжался в холёную мать, и красивое лицо Лейлы исказилось неприязнью. Она ненавидела и меня, и Натусика, это было написано на её лице крупными, несмысленными буквами.

— Вот именно, ребёнка не пугай, — холодно процедила она. — Это его дом, между прочим, и он твой законный сын. А этих ты мог пристроить куда угодно, Яр. В другое место. Зачем ты притащил их сюда?

Она подхватила сына на руки и стремительно вышла из-за стола, цокая каблуками по плитке. Я сидела с идеально прямой спиной и кожей ощущала тяжёлый, презрительный взгляд парня. Какие у него ледяные глаза. Вроде ведь всё при нём: родители при больших деньгах, сам красив, здоров, молод. С такими деньгами девушки должны виться вокруг ро-ем. Откуда же в нём столько чёрной злости. Неужели в детстве так сильно недолюбили, что теперь он мстит за это всему миру без разбора.

— Слушай, а ты чего не ешь? — снова подал он голос. — Вилка в левой, нож в правой. Или мамка дома не научила, как приличные люди едят?

Это было уже слишком. Я вскочила раньше, чем успела о чём-либо подумать, и с размаху влепила ему пощёчину. Звонкую, на всю гостиную.

— Моя мама в могиле, — отчеканила я, глядя ему прямо в его пустые глаза. — И не смей, ублюдок, открывать о ней свой поганый рот. Ты её следа на земле не стоишь.

Он вскочил в ответ, опрокинув стул. Щека стремительно наливалась багровой краснотой. По его ошарашенному лицу было видно: его впервые в жизни кто-то посмел вот так публично поставить на место.

— Ты пожалеешь об этом, чучело, — выдавил он сквозь зубы.

— Уже жалею, что родилась в одном мире с такими, как ты, — ответила я и села обратно.

* * *

Вечером я сидела на полу детской и смотрела, как Малышка возит по ковру свою единственную старую куклу. Мама целый год потихоньку откладывала на этого пупса, копила с зарплаты, отказывая себе. Светящихся единорогов и модных кукол, о которых сестра робко мечтала, мы тоже не могли себе позволить. Не всем выпадает родиться с золотой ложкой во рту, как этому Дане.

Мне было пятнадцать, когда в наш забытый богом посёлок приехал с проверкой его отец. Увидел маму, и закрутилось. Мне это страшно, до слёз не нравилось. Я слишком хорошо знала свою маму, добрую, мечтательную, безнадёжно доверчивую. А по посёлку тут же поползли липкие слухи, что приезжий-то женат. Что попользуется местной учительницей и укатит обратно в свою столицу.

Мама очень сильно переживала, когда он уехал, не сказав ни слова. А потом её начало мутить по утрам. В маленьком посёлке ничего не утаишь, скоро стал заметен живот, и не

обсуждал её разве что ленивый. Я кидалась на её защиту с яростью молодой собаки, готова была заткнуть рот любому, кто открывал его в мамину сторону.

Через девять месяцев на свет появилась Малышка, наше общее солнышко, наша радость. Мы были счастливы так, будто весь мир принадлежал нам двоим, точнее уже троим. И плевать было на пересуды за спиной.

* * *

Несколько лет мы прожили по-настоящему хорошо. Мама работала в школе, я училась, успевала по дому и забирала Натусика из яслей, и все там в ней души не чаяли. А когда сестре исполнилось два, мама встретила его. Владимира.

Он много курил дешёвые сигареты, любил крепко выпить и был полной, абсолютной противоположностью тихой, светлой Жене. Как он сумел усадить её за рюмку, не понял никто в посёлке. Скромная учительница начальных классов покадилась под откос с пугающей, неправдоподобной быстротой. Чего я только не делала: умоляла, плакала, выливала водку в раковину, прятала бутылки по сараям. Приходили даже из органов опеки, составляли акты, но и это ровным счётом ничего не изменило.

А потом случилось то страшное, о чём я до сих пор не могу вспоминать без дрожи. Отчим стал ко мне приставать. Я в тот же вечер всё рассказала маме. Она долго молчала, только смотрела на меня странным, виноватым, потерянным взглядом. А когда я вернулась домой с фермы, где подраба-

тывала после уроков, я нашла её на кухонном полу. Без сознания, в крови. Скорая ехала из райцентра больше часа и не успела. Мама умерла от внутреннего кровотечения. Её забил насмерть тот, кого она сама, по доброте и слабости, впустила в наш дом и в нашу жизнь.

— Дина.

Я вздрогнула всем телом и подняла глаза. Передо мной стоял Ярослав Владимирович. На его усталом, помятом лице лежала тень настоящей, неподдельной боли.

— Дина, нам нужно поговорить. Это очень важно. И прости меня. За всё прости, девочка.

Я молча кивнула и покосилась на Малышку. Сестра играла, ни о чём не подозревая, и до сих пор по нескольку раз на дню спрашивала, когда же приедет мама. А мама не приедет уже никогда. И я не знала, какими словами однажды придёт-ся ей это объяснить.

* * *

ГЛАВА 2.

ДАНИИЛ

Сука. Противная белобрысая крыса. Ненавижу.

Я молотил по тяжёлой груше со всей злости, на какую был способен, и видел перед собой её серые, с холодным голубым отливом глаза. Красивая, чёрт бы её побрал, этого не отнять. Но посмела при всех поднять на меня руку. Ещё не родилась на свет та, что поднимет на меня руку и не пожалеет об этом до конца дней. Я прищурился, сжал кулаки в перчатках до хруста в костяшках. Кто она вообще такая, эта деревенская приبلуда. Никто. Пустое место. Я ей устрою такую жизнь, что она сама взвояет и попросится обратно в свой свинарник.

— Ты со мной сегодня или как?

Тимур, мой лучший друг с самого детского сада, привалился плечом к стене и лениво следил за мной. Лицо у него было кислое, недовольное.

— А чего она вообще с нами потащится? — Он скривился. — Ты прикалываешься, что ли?

— А куда я денусь. — Я опустил руки, тяжело дыша. — У отца на дне рождения она будет торчать, как родная. Мы же теперь, мать его, одна большая счастливая семья. Так что и эта лохушка должна быть.

— Слушай, чел. — Тимур понизил голос, оглянувшись на пустую раздевалку. — У тебя батя нормальный мужик, ре-

ально нормальный. Может, не стоит его так злить? Ты вообще хоть примерно представляешь, во что мы влезем, если что-то пойдёт не так? Это тебе не лимонад в стакан плеснуть.

— Зассал — так и скажи прямо. — Я смотрел на него в упор. — Вроде лучшие друзья с песочницы, а ты меня сливаешь при первом же удобном случае.

— Это уже за гранью, Даня. Прекрати. Приди в себя. Что она тебе вообще такого сделала, объясни?

— Найду того, для кого это не за гранью. Желających хватает.

Тимур только головой покачал и отвернулся. Он не понимал. Никто не понимал. Внутри у меня всё клокотало, и я сам не до конца разбирал, откуда в этом столько ярости.

Я сдёрнул перчатки, накинул на шею полотенце и пошёл к выходу. У дверей зала чуть не сбил с ног Настю. Пловчиха из соседней секции, красивая, гибкая, всё при ней. Мне сейчас позарез нужна была разрядка, и я понимал это всё яснее. Постоянной девушки у меня отродясь не водилось, не тот характер, а случайные клубные знакомства давно осточертели своим однообразием.

— В душ собралась? — Я нагло облокотился о косяк, перегораживая ей дорогу.

Настя на секунду растерялась, потом улыбнулась, поправила влажную прядь. Тёмные волосы, яркие губы, уверенный взгляд. А я, как назло, опять некстати вспомнил ту белобрысую змею, которая влепила мне пощёчину при полном

столе.

Злость снова поднялась откуда-то из глубины, кровь застучала в висках. Я и сам не понимал, что со мной творится в последние дни.

— В душ, — спокойно подтвердила Настя и чуть склонила голову набок.

Хороша. Очень хороша. И никаких тебе сложностей.

Я всегда обращался так со всеми, без единого исключения. Меня искренне не волновали ничьи чувства, желания, обиды. Я был таким, и меня это вполне устраивало. Даниил Лазарев, или просто Лазарь, как звали меня немногочисленные друзья и многочисленные завистники.

* * *

— Даня, можно тебя на минуту? Это важно. Остановись, пожалуйста, на два слова!

Меня перехватил уже в коридоре Павел Петрович, наш бессменный тренер. Хороший, в сущности, мужик, но вечно лез не в своё дело со своими бесконечными нравоучениями о пользе режима.

— Слушаю вас, Павел Петрович. — Я остановился, всем видом показывая, что тороплюсь.

Он тяжело, с присвистом вздохнул.

— Даниил, скоро чемпионат. Серьёзный, отборочный. Твоя кандидатура выдвинута первой. Может, обойдёмся это время без алкоголя, без драк по барам и ночным клубам, а? Тебе сейчас нужна форма, как никогда.

— Я и так в лучшей форме, вы же видите.

— Пока да. — Он смотрел на меня устало и пронизательно. — С таким режимом долго не продержишься, поверь старику. Что у тебя стряслось-то, сынок? На тебе лица нет последнюю неделю.

— Павел Петрович, вы прекрасный тренер. Лучший. — Я заставил себя улыбнуться. — Но лезть мне в душу не надо. Там нет ничего интересного. Прошу прощения, я опаздываю.

Я развернулся и пошёл к раздевалке, а самого ошутимо потряхивало изнутри. Ничего у меня не стряслось. Просто меня когда-то родила несчастная, измученная женщина от холёного кобеля, который изменял ей всю их совместную жизнь, а под конец ещё и нагулял ребёнка на стороне, в каком-то богом забытом посёлке. Мудак. И сам не знаю почему, но я ненавидел его всеми фибрами души, хотя по бумагам и по крови был обязан ему всем.

* * *

Когда Тимур уехал на своей машине, я вернулся в сад нашего загородного дома и сел на ступеньки веранды. Поднял глаза на её освещённые окна на втором этаже. И долго, сам не понимая зачем, смотрел на жёлтый прямоугольник света.

Особенная какая-то. Не такая, как все. Стоит, держит спину, смотрит сквозь тебя своими ледяными глазами, будто это не она тут приживалка, а ты у неё в гостях напросился. Почему меня к ней так тянет, как магнитом к железу. Башкой

об эту стенку приложиться хочется от злости, а с другой стороны — поймать бы её, прижать к стене, чтобы перестала смотреть так свысока, чтобы хоть раз дрогнула.

Я тут же разозлился на самого себя за эти мысли и сплюнул в темноту. Всё уже готово. Скоро она со своей соплячкой свалит из моего дома навсегда, и я её больше не увижу и не вспомню. Так будет лучше для всех. И для меня в первую очередь.

* * *

Дома меня ждала мать. Она сидела в гостиной, в полумраке, кутаясь в шаль, хотя на улице ещё стояло тепло. После болезни она всё время мёрзла. Тонкая, бледная, с этими её всегда грустными глазами, она подняла голову, когда я вошёл.

— Поздно сегодня, — сказала она тихо. — Опять с Тимуром где-то носились?

— Тренировка затянулась. — Я не стал садиться, остановился в дверях.

— Даня. — Она внимательно посмотрела на меня. — Что ты задумал? Я тебя знаю как облупленного. У тебя сейчас такое лицо, какое было в детстве, когда ты собирался напасть.

— Ничего я не задумал. — Я отвёл глаза.

— Это из-за девочки? — Мать помолчала. — Из-за Лениной дочери? Я слышала, как ты с ней за столом. Сынок, она-то в чём виновата?

— В том, что она здесь, — отрезал я резче, чем хотел. — В том, что она ходит по нашему дому и напоминает всем, что отец тебя предал. Что ты всё терпела зря. Я смотреть на это не могу, понимаешь? Не могу!

Мать долго молчала. А потом сказала то, что я потом вспоминал годами.

— Я не зря терпела, — проговорила она. — У меня есть ты и Карина. Ради вас всё было не зря. А ненависть, Данечка, она разъедает того, кто ненавидит, а не того, кого. Ты сейчас весь чёрный внутри. Я же вижу. Не делай ничего, о чём потом не сможешь забыть. Прошу тебя. Это самое страшное — жить с тем, чего не исправить.

— Тебе нельзя волноваться, — бросил я, уходя от разговора. — Иди спать.

— Это тебе нельзя так жить, — сказала она мне вслед. — С таким сердцем.

Я ушёл к себе и закрыл дверь. И долго лежал в темноте, глядя в потолок. Слова матери царапали где-то внутри, мешали. Но злость была сильнее. Злость всегда была сильнее. Я научился у отца только одному — не прощать. И не подозревал тогда, что именно эти материнские слова однажды станут единственным, что у меня останется. И единственным, что меня вытащит.

* * *

Я вспомнил, как однажды, когда мне было лет двенадцать, застал её в очень плохом состоянии, на самом краю. Я тогда

просидел рядом всю ночь, держал за руку, не отпускал, пока не приехали врачи и пока всё не обошлось. С тех пор я знал: ей нельзя оставаться одной в такие минуты, ей нельзя ломаться. А несколько лет назад, когда у неё нашли болезнь и еле спасли, я и вовсе стал как сторожевой пёс. И вот теперь отец притащил в дом живое, белобрысое напоминание о своём предательстве. Этого я ему простить не мог. И ей, этой Дине, заодно. Так мне тогда казалось.

* * *

ГЛАВА 3.

ДИНА

Я поправила волосы у большого резного зеркала в прихожей. Всё в этом доме было дорогим, тяжёлым, красивым. И всё до последней мелочи — чужим. Я вспоминала наш старенький домик на окраине посёлка, где каждая безделушка стояла на своём месте, расставленная мамиными руками с любовью и теплом. Связанные ею салфетки, выцветшие фотографии в рамках, герань на подоконнике. Мамы больше не было. И тепла больше не было. И уюта тоже.

Хотя, если уж совсем честно с собой, мамы такой, какой я её помнила и любила, не было уже целый год — с того дня, как она начала пить. Сначала вино по вечерам, потом что покрепче, потом и вовсе деревенский самогон, который ей приносил отчим. Страшно, когда близкий, родной человек спивается прямо у тебя на глазах, а ты ничего не можешь сделать. Очень страшно и стыдно. Я не узнавала свою красавицу маму, которая когда-то каждое утро расчёсывала перед зеркалом длинные светлые волосы и улыбалась своему отражению.

Малышка беззаботно каталась на новеньком самокате по широкой асфальтированной дорожке сада, а я сидела на террасе, куталась в кардиган и не знала, куда мне деться от очередного скандала, разгоравшегося в доме. Голоса долетали

даже сюда, на улицу.

— Всё разбросала, игрушки по всему холлу, кто за ней убирать будет? У нас тут что, ночлежка для бездомных?

— Марина за уборку деньги получает, это раз. — Голос Ярослава Владимировича звенел от сдерживаемого гнева. — А два — за Натусиком старшая сестра всё до тебя убрала! Моя дочь не из ночлежки, Лейла! Выбирай выражения, когда о ней говоришь!

— Ты зачем ей такой дорогуший спортивный костюм заказал? — не унималась хозяйка. — Совсем ум потерял? У неё отродясь таких вещей не было, она в нём как ряженая!

— А Коле, значит, можно заказывать? — отрезал он. — С каких пор мы на детей деньги считать начали? Замолчи, Лейла, я тебя прошу по-хорошему!

— Коля — родной сын!

— А Наташа — родная дочь. Вылитая я в детстве, тут и ДНК делать не надо, любой подтвердит. И замолчи уже наконец!

Лейла визжала так пронзительно, что я всерьёз думала, вот-вот полопаются стёкла в высоких окнах. Вздохнув, я поднялась, и в эту самую секунду телефон в кармане ожил коротким сигналом. Входящее сообщение с незнакомого номера.

«Слушай. Ты меня не знаешь, и я тебя тоже. Но будь осторожна. Лазарь — мстительный тип, лучше с ним не связываться».

Я нахмурилась, перечитала дважды. Это что ещё за игры? Развод какой-то?

«А тебе-то какой интерес меня предупреждать?» — отби-
ла я почти мгновенно.

«Не хочу проблем, своих хватает по горло. На день рож-
дения к нему лучше вообще не приходи. Поверь».

Я медленно опустила телефон в карман. Благородство это
с его стороны или часть какого-то сговора, понять было ре-
шительно невозможно. Но осадок остался неприятный, лип-
кий.

* * *

Ужин в тот вечер проходил в напряжённой, звенящей ти-
шине. Малышка с явным удовольствием уплетала котлеты с
картофельным пюре, а я, хоть и была по-настоящему голод-
на, не притрагивалась к семге в сливочном соусе на своей
тарелке. В этом доме мне отчего-то совсем не хотелось ни
есть, ни пить. Под пристальным взглядом ярко накрашенных
глаз Лейлы кусок не лез в горло. Создавалось ощущение, что
хозяйка дома внимательно следит за тем, что именно я возь-
му со стола и сколько.

Я отпила воды из стакана и для приличия отломилa ви-
лкой маленький кусочек рыбы, чтобы не выглядеть совсем уж
дикаркой. Сидеть перед полной тарелкой под этим оценива-
ющим, презрительным взглядом было тоже удовольствием
ниже среднего.

— К рыбе есть совершенно чудесный соус, Даниэла, —

пропела Лейла приторно. — Может, попробуешь? Тартар называется. С каперсами.

Я мысленно усмехнулась. Меня здесь упорно держали за деревенскую дурочку. Думали, наверное, что я и слова такого не слышала.

— Спасибо, Лейла Ахмедовна. Я знаю, что такое тартар. Очень вкусный соус, особенно к красной рыбе.

— Да? — Бровь хозяйки чуть приподнялась. — Изумительно. Какие познания.

— Всем привет, голодающие!

В столовую танцующей походкой вошла младшая дочь Лазаревых, Карина. Неприятная, дерзкая девица. Перекрашенные в несколько цветов волосы, кольцо в носу, свежая татуировка на тонком запястье.

— Рыба, фу. — Она брезгливо сморщилась. — А чего эта мелкая котлеты жрёт?

Она ткнула в Малышку длинным ногтем с облупленным красным лаком. Внутри у меня всё мгновенно сжалось в тугой узел. Я ведь твёрдо обещала Ярославу Владимировичу держать себя в руках ради общего спокойствия. Но получилось из рук вон плохо.

— Она не жрёт, а кушает, — отчеканил Лазарев, не повышая голоса, но так, что Карина вздрогнула. — Выйди из-за стола. Что за манеры в моём доме? Люди за столом кушают. Запомни это слово.

Карина демонстративно округлила подведённые глаза.

— Мама, ну я-то тут при чём вообще? Меня из-за каких-то приживалок из-за стола выгоняют? Разберись уже с этим, в конце концов!

— А кто такие приживалки? — с искренним детским любопытством спросила вдруг Малышка, отложив ложку и подняв на меня ясные глаза.

Вот это было уже выше всех моих сил. Я встала, отодвинув стул, и подхватила тарелку сестры вместе с её недоеденным ужином. Меня ощутимо потряхивало от сдерживаемой ярости.

— Малышка, пойдём-ка в нашу комнату, там и доедим, и мультики заодно посмотрим про твоих любимых пони. А взрослые тут пусть сами разбираются, у них свои скучные дела.

В комнате, которую мы делили на двоих, потому что сестра с пелёнок наотрез отказывалась спать одна в темноте, я наконец дала волю слезам. Беззвучным, злым. Так хотелось взять Малышку за руку и уехать куда угодно, хоть на край света, лишь бы подальше отсюда. Но я слишком хорошо понимала своё положение: ни нормального образования за плечами, ни приличной работы, ни мужа, ни жилья, ни денег. Малышку, родную дочь обеспеченного человека, мне, нищей сводной сестре, никто и никогда не отдаст по закону. А без неё я не смогу жить, как и она не сможет без меня. Значит, приходилось терпеть. Стиснуть зубы и терпеть.

* * *

— Дина, ты даже думать об этом не смей.

Ярослав Владимирович вошёл в детскую следом за мной и грузно присел на краешек кровати, сцепив руки.

— Натусик — моя дочь, тут и спорить не о чем, я её ни за что не отдам. И тебя одну с ней не отпущу, не для того я вас сюда вёз. Просто прости их всех, очень тебя прошу. Деньги их избаловали вконец, ожесточили души.

Я устало опустилась на стул напротив.

— Ярослав Владимирович, Малышка ведь совсем маленькая. Ей шесть. Она и так за этот последний год насмотрелась и наслушалась такого, чего детям видеть и слышать нельзя ни в коем случае. Давайте мы с ней просто тихо уедем. Снимем комнату, я найду работу, любую. Ваша семья меня не принимает и никогда не примет, это же очевидно. Нам с ней будет лучше вдвоём, поверьте. А вам спокойнее налаживать отношения со своими родными. Так будет правильное для всех.

Он побагровел. На скулах под кожей заходили крупные желваки.

— Дина, я хочу, чтобы ты знала одну вещь. — Голос его дрогнул. — Я по-настоящему любил твою маму. Так, как не любил никого в своей жизни. Я ведь хотел уйти от Лейлы, всё для этого готовил. Но так сложились обстоятельства, будь они прокляты. У Лейлы как раз обнаружили болезнь, потом Коля родился. Я не смог переступить. Но я бы ушёл, слышишь? Женья была совершенно особенной. А тот, кто отнял

её у нас, кто поднял на неё руку, он никогда, ты слышишь, никогда не выйдет на свободу. Я тебе слово даю, и я его сдержу, чего бы мне это ни стоило.

Я молчала. Слова застревали где-то на полпути.

— Да ладно тебе заливать! — раздался вдруг от двери знакомый презрительный голос. — А мы с Кариной, значит, что? Мы не дети? Мы для тебя пустое место, да?

Мы оба резко обернулись. В дверном проёме, привалившись к косяку, стоял Даниил. Его заметно покачивало. И не слегка. Он был пьян. Основательно пьян.

* * *

— Ты опять за старое взялся? — Лазарев медленно поднялся, и в его голосе зазвенел металл. — Тебе же на чемпионат России вот-вот ехать! Что ты с собой творишь, паршивец?

— А что я творю? — Даниил оттолкнулся от косяка и качнулся вперёд. — Карине двенадцать было, когда ты к нам охладел, она в отце как воздух нуждалась! А ты ради этой деревенской бабы из колхоза свалить собрался, семью бросить! Ты, может, забыл уже, что весь твой бизнес — дедов? Что без деда ты сам по себе вообще никто? Ноль без палочки, пустое место!

Ярослав Владимирович побледнел и бросил на меня быстрый, виноватый взгляд. И я всё поняла без единого слова. Лучше уйти. Молча, не отвечая. Очередное оскорбление надо просто проглотить и сделать вид, что не услышала.

— Простите. Я пойду к Натусику.

Я выскользнула из комнаты под его ненавидящим, мутным от выпитого взглядом. Завтра поговорю с Ярославом Владимировичем ещё раз, на трезвую голову. Не поймёт — соберу наши скромные пожитки, возьму Малышку и уеду сама, тайком, как угодно. Но в этом доме, с этими людьми, я её ни за что не оставляю.

Я почти не курила, бросила ещё год назад. Но мятая пачка лежала в кармане кардигана на самый крайний случай, и сейчас, кажется, был именно он. Я спустилась в тёмный сад, отошла подальше от дома и закурила, глядя на свои подрагивающие пальцы. Состояние было не передать никакими словами. Да, последний год рядом с пьющей мамой был невыносимо тяжёлым. Но это было родное, своё. А теперь у меня не осталось ничего родного на всём белом свете. Только спящая наверху Малышка.

Я затушила недокуренную сигарету о подошву ботинка, чтобы никто из прислуги не заметил и не доложил хозяевам, и поплотнее закуталась в кардиган. Хотелось горячего душа и спать. Лечь, обнять тёплую Малышку и провалиться в сон, потому что она осталась единственным родным человеком на всей земле.

Выйдя из душа, я завернулась в большое мягкое полотенце и с досадой вспомнила, что халат и ночнушку оставила на кровати в комнате. Натусик уже сладко посапывала под одеялом. Я на цыпочках подошла к кровати и едва не вскрик-

нула в голос. На самом её краю, закинув ногу на ногу, сидел Даниил.

— А ножки-то у тебя ничего, — лениво протянул он, нагло и медленно меня разглядывая с головы до ног. — Прямо красotka. Кто бы мог подумать под этими твоими балахонами.

— Выйди отсюда. Немедленно. — Я вцепилась в края полотенца. — Это наша с сестрой комната, ты не имеешь права сюда входить.

Он не торопясь встал и шагнул ко мне вплотную. Я инстинктивно дёрнулась назад и, чтобы не задеть кровать и не разбудить Натусика, упёрлась спиной в стену.

— Запомни раз и навсегда, детка. — Он навис надо мной, и я почувствовала ненавистный запах коньяка. — Это мой дом. Здесь каждый гвоздь, каждая тряпка — моё. А твоего тут нет ничего и никогда не будет. Заруби себе на своём кур-носом носу.

Он лениво потянулся пальцами к моему подбородку, но я резко отбила его руку.

— Что тебе нужно среди ночи в моей комнате?

Он упёрся обеими ладонями в стену по сторонам от моей головы, окончательно загораживая выход. От него тяжело несло коньяком, и я ненавидела этот запах всем своим нутром, до тошноты. За последний год он стал мне отвратителен до дрожи. Алкоголь сломал, перемолол жизнь моей мамы. Алкоголь не приносил в дом ничего, кроме беды и крови.

— Мне нужно, чтобы ты играла по моим правилам, — процедил он мне в лицо. — И не возникала там, где тебя не спрашивают. Извиниться за пощёчину не хочешь, часом?

Я молча занесла руку для второй пощёчины, но он на этот раз оказался быстрее и перехватил моё запястье.

— Не стоит, детка. — Пальцы сжались. — Один раз тебе сошло. Второй уже не сойдёт.

— Убери от меня руки. Сейчас же. — Я смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

— А то что? — Он усмехнулся уголком рта.

— А то я закричу так, что сбежится весь твой дом, — ровно сказала я. — Сестра спит — вот единственное, что тебя сейчас спасает от позора. Не уйдёшь по-хорошему через три секунды — я подниму крик, и пусть твой драгоценный отец полюбуется на сыночка, который ломится ночью в комнату к голой девушке. А я, в свою очередь, даю тебе слово: сделаю всё, чтобы мы с сестрой как можно скорее убрались из твоего ненаглядного дома. Тебе же легче дышать станет.

На его лице на миг мелькнула злость. И что-то ещё, чего я в полумраке не успела разобрать. Он медленно разжал пальцы и отпустил моё запястье.

— Ты за это ответишь, — глухо процедил он, разворачиваясь к двери и нарочно толкнув меня плечом по дороге.

— Обязательно отвечу, — бросила я ему в спину. — Письмо тебе с того света напишу, если что.

Я захлопнула за ним дверь, повернула ключ в замке и мед-

ленно сползла спиной по дверце на пол. Колени дрожали. Скорее бы убраться отсюда. Господи, если ты есть, помоги мне забрать Малышку и уйти.

* * *

ГЛАВА 4.

ДИНА

Накануне праздника в нашу комнату без стука вошла Лейла. Натусик была на танцах, куда её записал отец, и я сидела одна у окна с книжкой, которую так и не читала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.